

УДК 39

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ И СТРУКТУРА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
НАГАЙБАКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2014-2015 ГГ.****SOCIAL AND CULTURAL PRACTICES AND THE STRUCTURE OF IDENTITIES
OF NAGAIBAKS ON MATERIALS OF EXPEDITIONS 2014-2015 YEARS****И.Р. Атнагулов****I.R. Atnagulov**

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
Россия, 455000, Челябинская обл, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38*

*Magnitogorsk State Technical University
38 Lenina Pr, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia*

E-mail: i.atnagulov@mail.ru

Ключевые слова: нагайбаки, идентичности, методы этнологических исследований.
Key words: Nagaiabaks, identity, methods of ethnological research.

Аннотация. Развитие этнических процессов в современной России часто сопровождается изменениями в динамике и даже трансформациями идентичностей у различных групп. Примордиалистская методологическая база, применяемая в отечественной этнологии весьма широко, не способна зафиксировать подобные процессы. Механизм и логику подобных трансформаций способен объяснить конструктивистский метод исследования.

Сюжет статьи предлагает мониторинг состояния идентичностей нагайбаков по результатам полевых экспедиционных исследований 2014–15 гг. в с. Фершампенуаз, Париж, Остроленка и Кассель. Изучение современных социокультурных практик решает вопрос определения структуры идентичностей нагайбаков, а также векторы развития социокультурных практик, включая характер межэтнических взаимоотношений.

Resume. The development of ethnic processes in contemporary Russia is often accompanied by changes in the dynamics and even the transformation of identity in different groups. Primordial methodological framework used in the national ethnology very broadly, is not able to fix these processes. The mechanism and the logic of such transformations can explain constructivist methods.

The plot of the article offers monitoring of identities Nagaiabaks from field research expeditions 2014-15 years in the villages Fershampenuaz, Paris, Ostroleka and Kassel. The study of contemporary socio-cultural practices solves the problem of determining the structure Nagaiabaks identities, as well as vectors of development of socio-cultural practices, including the nature of inter-ethnic relations.

Этнические процессы, происходящие на постсоветском пространстве, нередко сопровождаются изменениями в динамике или даже смещением идентификационных полей у некоторых групп, обозначаемых в научной литературе как субэтноты, этнографические, этноконфессиональные, этносословные группы и т.п. Нагайбаки до недавнего времени определялись всеми перечисленными терминами из аппарата отечественной этнографической науки, сформировавшейся в рамках теории этноса Ю.В. Бромлей¹. Слабость последней в том, что она не учитывает способности к трансформациям самоидентификаций подобных групп. Особенно в условиях меняющегося социального и политического климата в стране. В последние два с половиной десятилетия в изучении этнических процессов, наряду с другими, всё чаще применяется конструктивистский методологический подход, способный объяснить механизм и логику подобных трансформаций. История становления идентичностей нагайбаков являются весьма удобным «наглядным пособием» по изучению динамики подобных трансформаций. Нами уже были опубликованы материалы по становлению и развитию идентичностей нагайбаков до начала XXI в. Настоящая статья отражает современное состояние социокультурных практик и идентичностей нагайбаков в условиях современной России.

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

В российской, в том числе бывшей советской, этнографической науке ещё с XIX в. сложилась традиция разделения культуры на материальную и духовную. Это было не всегда оправдано и создавало некоторые сложности при структурировании, составлении классификационных схем и т.п. Однако для этнографов, занимающихся исследованием таких аспектов как жилище, одежда, пища, религия и верования, обрядово-праздничная культура и т.п., во многих случаях это было весьма удобно. Разделение культуры на материальную и духовную вносило ясность в обозрении границ предмета изучения и логику в изложении материала. Основная задача исследователя – определение комплекса специфических этнических черт объекта решалась в рамках парадигмы так называемой традиционной культуры (материальной и духовной) как едва ли не единственной обладающей набором этнических маркёров.

В эпоху глобализации и унификации быта материальная культура в смысле традиционной с одной стороны всё меньше становится предметной областью исследователя-этнолога. С другой стороны, и сами акторы – представители изучаемых групп склонны искать основания собственной идентичности за пределами «трёх китов» материальной культуры традиционной этнографии – жилища, одежды и пищи. Современными исследователями предлагается новый подход в осмыслении так называемой «новой материальности»², что делает перспективным дальнейшую разработку антропологами тем, связанных с современной материальной (и не только) средой. Это очень важно в пору кризиса российской этнологии (этнографии) с её предметной областью и методологией исследования³.

По наблюдениям за жителями Нагайбакского р-на и нагайбаками в частности в течение 2014–15 гг., и анкетирования, проведённого летом 2015 г. следует отметить, что в настоящее время для абсолютного большинства населения важнейшими этническими маркёрами являются такие признаки как язык, религиозная принадлежность, физическая антропология, черты характера, предпочтения в хозяйственной деятельности, национальная кухня, исторические символы, обрядово-праздничная культура и фольклор⁴. Анкетирование проводилось в июле 2015 г. в с. Фершампенуаз, Остроленка и Кассель. Всего было опрошено 620 чел. Подробные результаты анкетирования оформлены в виде 29 таблиц, хранящихся в настоящее время у автора в рукописном варианте. Монтаж такого объёмного материала в рамки статьи значительно «утяжелил» бы саму работу, поэтому автор счёл возможным указать лишь итоговые значения в виде относительных цифр с округлением десятых долей процентных данных до единиц. В некоторых частях текста ссылки на данные источники обозначены как «полевые материалы автора» (ПМА)

Из материального производства в современных практиках этномаркирующие усматриваются в некоторых элементах хозяйственной деятельности и во многом, как следствие её развития, привычек и устоев в системах питания. Несмотря на многочисленные очевидные трансформации, произошедшие за последние несколько десятилетий в системах питания разных народов, их структурная основа продолжает сохраняться.

Физическая антропология представляет определённый маркирующий фактор при этнической диагностике нагайбаками и их соседями друг друга. На территории Нагайбакского р-на отчётливо выделяются две не равные по численности представители, и чётко разделённые по входящим в них этносам, расовые группы. Одну составляют казахи, вторую – русские, нагайбаки, татары, мордва, украинцы и др. При физико-антропологической диагностике обеими группами друг друга, учитываются морфологические признаки⁵. Здешние казахи, как и большинство их соплеменников, по классификации Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина⁶ относятся к южносибирской смешанной расе⁷. Остальная часть населения принадлежит различным вариантам большой европеоидной расы. Изучение физической антропологии нагайбаков находится на начальной стадии⁸. В повседневных практиках физико-антропологические различия между нагайбаками и русскими отмечаются не по морфологии, а в большей степени по соматическим признакам. Обнаруживая комплекс европеоидных черт, нагайбаки, по сравнению с русскими, в среднем более тёмно пигментированы.

² Соколовский С.В. О новой материальности и тихих революциях // Антропологический форум. № 24 «Незамеченные революции». С. 61–72.

³ Он же. Российская антропология: иллюзия благополучия. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/s4.html>

⁴ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

⁵ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

⁶ Рогинский Я.Я. Антропология. М., 1978. С. 374.

⁷ Там же. С. 406.

⁸ Макеева А.И. Первые дерматоглифические исследования нагайбаков // Вестник антропологии. 2013. № 2(24). С. 77–87.

Одной из этномаркирующих по представлению населения является «национальный характер». К чертам национальных характеров своих и этнических соседей респонденты чаще всего относили такие качества как гостеприимство, дружелюбие, доброта, трудолюбие, чистоплотность, порядочность, гордость, честность, целеустремлённость, завистливость, злопамятность, наглость, неорганизованность. Среди прочих черт чаще всего в оценках звучит такое качество как гостеприимность. Сами нагайбаки считают себя более гостеприимными по сравнению с русскими, но первенство по этому пункту отдают казахам.

Язык для большинства населения района продолжает, как и прежде, являться обязательным этническим маркером, неотъемлемым фактором существования народа. Даже если какая-то часть местного не русского населения больше употребляет русский, или все на него перешли полностью. Существование нагайбакского языка для большинства нагайбаков является бесспорным. Он же является важнейшим этническим признаком. Даже те респонденты, которые в повседневных практиках отдают предпочтение русскому, считают нагайбакский язык одним из главных своих этнокультурных признаков⁹. Исходя из этого, большинство их считают, что нагайбакский язык существует как самостоятельный лингвистический феномен¹⁰.

В представлении нагайбаков о степени близости родного языка с татарским усматриваются две основные тенденции: понимание идентичности или очень близкого родства языка нагайбаков татарскому и в то же время стремление к позиционированию нагайбакского языка как самостоятельного, весьма отличающегося от татарского. Первое, по всей видимости, связано с жизненным опытом общения, с татароязычным населением Челябинской обл., Республик Татарстан и Башкортостан. Второе стремление, вероятнее всего, связано с активным поиском частью нагайбаков и нагайбакскими элитами собственной этноидентификационной базы. Этот процесс заметно усилился за последние примерно 20 лет после обретения нагайбаками в 1993 г. официального статуса коренного малочисленного народа Российской Федерации¹¹. Основные отличия между нагайбакским и татарским языками нагайбаками видятся в основном в фонетике и меньше – в лексике¹².

С 2005 по 2015 гг. доля нагайбаков, использующих нагайбакский язык в качестве основного разговорного существенного не изменилась. Она, как и прежде, составляет около трети населения. Резко, почти вдвое, увеличилась доля говорящих, в основном, по-русски и, соответственно уменьшилась доля говорящих на двух языках в равной степени. Некоторое уменьшение доли населения говорящего по-нагайбакски не снимает вопроса о лингвистическом статусе нагайбакского говора или языка.

Несмотря на достаточно хорошую степень научной изученности вопроса, среди определённой части нагайбаков продолжается обсуждение проблемы связи нагайбакского языка с татарским¹³. На протяжении нескольких лет нагайбакскими краеведами под руководством жительницы п. Чернореченский Нагайбакского р-на О.И. Барышниковой шла подготовка «Нагайбакско-русского – русско-нагайбакского словаря»¹⁴. Особенности его лексического состава, включающие только архаичный пласт и инновации в правописании, с учётом нагайбакской фонетики, отражают точку зрения автора на говор нагайбаков как явление отличное от татарской языковой культуры.

Народное представление о языке, как одном из главнейших этномаркирующих, усвоенное ещё от идеологов времён советского «национального строительства»¹⁵ до сих пор отражается не только в публикациях здешних краеведов, но и в результатах опросов, проведённых летом 2015 г. среди населения с. Фершампенуаз, Остроленка и Кассель. В перечне отличительных признаков нагайбаков от русских язык занимает третье место – 10 %. Среди отличий от татар язык находится на втором месте – 12 %¹⁶.

Примечательно то, что, несмотря на очевидную разницу в степенях языкового родства, часть нагайбаков в этнических различиях между ними и татарами языковую разницу

⁹ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

¹⁰ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации 24 марта 2000 года № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon047.html>

¹² ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

¹³ Минеев П.М. По берегам реки Гумбейки. Топонимический словарь. Челябинск, 2008. С. 68.

¹⁴ Барышникова О.И. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь. Магнитогорск, 2015.

¹⁵ Соколовский С.В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. Набережные Челны, 2009.

С. 45-55.

¹⁶ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

усматривают в большей степени, чем с русскими. Это очень важный показатель степени актуализации поиска народом оснований этнической идентичности. Значительная часть нагайбаков едва ли не главную угрозу потери идентичности видят в том, что их долгое время «учили говорить по-татарски»¹⁷.

До 1960-х гг. подготовка учителей для нагайбакских школ осуществлялась в Троицком педагогическом училище, где работало отделение татарского языка. Учебники в нагайбакские школы доставлялись из Казани. Литературный татарский язык, которому обучали детей по казанским учебникам выпускники Троицкого педагогического училища, конечно, отличался от нагайбакского говора, в равной степени, как и от большинства остальных говоров народного языка волго-уральских татар. Этот факт долгое время вызывал и продолжает вызывать беспокойство среди части нагайбаков. Появление словаря, в котором осуществлён отказ от татарской литературной нормы в пользу правописания в соответствии с народной речью нагайбаков, является ещё одним аргументом, свидетельствующим об активных процессах воплощения идеи нагайбакской идентичности.

Вместе с тем, примерно треть респондентов сочла необходимым указать язык в качестве главного сближающего их с татарами признака. В сравнении с казахами нагайбаки свой язык видят как отличительный – 34 % и сближающий признак – 16 %¹⁸.

Картину современной языковой идентичности нагайбаков отражают мнения респондентов о наиболее близких к нагайбакскому языкам. Абсолютное большинство – 87 % наиболее близким признало татарский язык. Примечательно, что русский занял более высокое место по сравнению с казахским и турецким языками. Общение на русском становится всё более обыденным для большинства нагайбаков, в то время как и среди казахов наблюдается увеличение доли употребления русского языка. Этим обстоятельством объясняется более высокий рейтинг русского языка в народном понимании иерархии лингвистического родства. Турецкий язык в этот список попал как результат личного опыта общения ряда нагайбаков в Турции за последние 10-15 лет. Несмотря на то, что абсолютное большинство нагайбаков первое место по степени родства отдают татарскому языку, всё-таки ещё бóльшая доля респондентов считают, что нагайбакский и татарский отличаются друг от друга скорее значительно – 92 %, чем незначительно – 8 %.

На втором месте, а в некоторых случаях и на первом среди этноидентификационных, по представлению нагайбаков, находятся культурные признаки. Из них наиболее ярким маркером после языка остаётся, как и прежде, религиозная принадлежность. Например, среди признаков, объединяющих нагайбаков с русскими на первом месте – 48 % стоит общность религии. Так же первое место – 53 % занимает религиозный фактор в списке признаков, отличающих, по мнению нагайбаков, их от татар. На втором месте – 26 %, по мнению респондентов, религиозный признак находится в списке этнических отличий нагайбаков от казахов.

Современная религиозная идентичность нагайбаков вполне адекватно отображает этнокультурную картину мира народа. Религия, как и язык, продолжает выполнять этноконсолидирующую функцию. Деление общества на «христиан» и «мусульман» для большинства является понятным и ясным структурированием населения и влияет на выбор приоритетов в различных стратегиях. При этом маркёры «христианин» или «мусульманин» не обязательно должны отражать истинное религиозное состояние человека, например, атеизм. Это скорее народное понимание культурной принадлежности индивидуума по происхождению к какому-либо из этих двух «миров».

Признаки, сближающие хозяйственную культуру нагайбаков с таковой у других народов, были отмечены только те, которые сближают их с казахами. Это касается скотоводства – 2 % респондентов. Материальная культура, включающая, по мнению респондентов, такие параметры как быт, кухня, традиционная одежда и прочее объединяет нагайбаков с русскими – 21 %, казахами – 8 % и татарами – 1 %. Пропорциональное соотношение этих данных реально отражает как этнодемографическую ситуацию в Нагайбакском районе¹⁹, так и частоту контактов нагайбаков с соседями. Этим объясняется то, что нагайбаки видят больше общих черт в материальной культуре с русскими и казахами, чем с татарами.

Среди элементов обрядово-праздничной культуры чаще всего отмечают такие как традиции и обычаи. По этому показателю нагайбаки отмечают отличие их от русских – 31 %, казахов – 5 %, татар – 5 %. Сходство в обычаях и традициях отмечают с татарами – 5 %, ка-

¹⁷ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, 2015 г.

¹⁸ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

¹⁹ Атнагулов И.Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Челябинск, 2015. С. 195.

захами – 3 %, русскими – 2 %. В обрядово-праздничной культуре современные нагайбаки склонны усматривать больше различий с русскими, татарами и казахами. Больше всего видят отличий с русскими. Сходств больше всего обнаруживают с татарами.

Другой группой признаков, которые респонденты отметили в числе этноидентифицирующих это различные черты этнического характера – гостеприимство, дружелюбие, трудолюбие, общительность, внутригрупповые отношения. По этим характеристикам нагайбаки больше всего сходств видят с русскими – 7 %, казахами – 2 %, татарами – 2 %. Отличий с татарами – 8 %, русскими – 7 %, казахами – 2 %. Кроме того, были отмечены среди признаков отличающих нагайбаков от русских: менталитет – 13 %, внешность – 1 %; от татар: имена – 2 %, внешность – 1 %; от казахов: антропология – 6 %, образ жизни – 3 %, менталитет – 1 %. Признаки, сближающие нагайбаков с русскими: имена – 3 %; с татарами: происхождение – 3 %, песни – 2 %. Никаких отличий не назвали от русских – 30 %, татар – 14 %, казахов – 3 %, и наоборот – ничего общего с казахами – 55 %, русскими – 12 %, татарами – 8 %.

Самоидентификация современных нагайбаков строится как на оппозиции, так и на ощущении общности с соседними народами – русскими, казахами и татарами. Главными этнодифференцирующими признаками для нагайбаков являются наличие родного языка и религиозная принадлежность. Последняя в условиях русского этнического большинства выполняет этнодифференцирующую функцию только по отношению к казахам и татарам, но роль её очень важна, поскольку нагайбаки с этими двумя народами обнаруживают чрезвычайную языковую близость. Язык казахов Челябинской обл. вместе с казахами Оренбургской и других областей западного Казахстана и Нижнего Поволжья относится к западному диалекту, который подвергся влиянию татарского, башкирского и ногайского языков²⁰.

Среди этнообъединяющих признаков наибольшее число упоминаний касалось языка, традиций и религии. Главными положительными чертами нагайбаки у себя видят – гостеприимство, порядочность, трудолюбие, доброту и чистоплотность. Среди отрицательных черт выделяют завистливость и злопамятность. Чуть более половины нагайбаков считают принадлежность к этносу предметом собственной гордости, другая часть оценивает собственную этническую идентичность как обычное состояние, и лишь 2 % затруднились дать твёрдый ответ.

Этническая принадлежность нагайбаков в большинстве жизненных ситуаций никаким образом качественно не влияла на их самочувствие в обществе. Значительная часть респондентов отметила, что принадлежность к нагайбакскому этносу не оказывала никакой помощи ни при каких обстоятельствах – 45 %, либо никак не мешала – 75 %. Большинство из тех, кто ответил, что моя этническая принадлежность мне помогла, предпочли не говорить в каких ситуациях, а несколько человек отметили, что помогала в некоторых ситуациях, где необходимо было знание родного языка в общении с представителями других тюркских народов.

Нагайбаки, как и большинство населения Российской Федерации, обладают многоуровневой самоидентификацией. Лидирующие позиции занимают этническая – 39 % и политическая (гражданская) – 37 % разновидности идентичностей. Три уровня региональных (локальная, областная и общеуральская) идентичностей среди нагайбаков составляют незначительную долю.

Развитие нагайбакских идентичностей сопровождалось формированием их этнонимической номенклатуры, которая имеет несколько уровней. Результаты анкетирования показывают, что все исторически сложившиеся самоназвания нагайбаков (керэшеннэр, нэгэйбэклер), включая локальные (бакалы, сарашлы, килий) продолжают использоваться до настоящего времени. Существуют различия в частоте применения и произношении тех или иных эндоэтнонимов в зависимости от языка, на котором происходит общение – нагайбакский (татарский) или русский. Кроме того, существуют некоторые различия в применении эндоэтнонимов между нагайбаками южной и северной групп²¹. Наиболее предпочтительными самоназваниями на нагайбакском языке является у южной группы – «керэшеннэр», у северной – «керэшеннэр» и «бакалы». На русском языке у южной группы – «нагайбаки», гораздо реже – «кряшены»; у северной – «русские», реже – «нагайбаки» или «бакалинцы».

На территории Челябинской обл. подавляющему большинству населения этноним «нагайбаки» известен, но за пределами региона, тем более в отдалённых от Южного Урала местах, нередко приходится давать разъяснения. Большинство из представителей нагайбаков в таких ситуациях объясняют свою этническую принадлежность, используя в обозначениях

²⁰ Калиев Г.А. Казахская диалектология. Алма-Ата, 1991. С. 90.

²¹ Атнагулов И.Р. Уровни этнического самосознания и этнонимическая номенклатура нагайбаков // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 15 (186). Выпуск 31. С. 95-104.

слово «татары». Например, «крещёные татары» – 53 % или «близкий к татарам народ» – 8 %. Данный факт говорит о том, что большинство нагайбаков в определённых условиях транслируют татарскую идентичность или ощущают близость к ним. Чуть более трети респондентов в подобных случаях предпочитает ограничиваться обозначением «малочисленный народ» без этнической привязки к татарам.

Различные социальные среды, в которых находились нагайбаки, вынуждали транслировать различные уровни идентичностей. Этническая идентичность нагайбаков является комплексом, исторически сформировавшимся из различных слагаемых – языковой, конфессиональной, сословной. В рейтинге самоидентификаций современных нагайбаков этническая идентичность, как отмечено выше, занимает первое место, едва опережая политическую. Этническая идентичность нагайбаков формировалась, опираясь на оппозицию окружающему этническому большинству. Сначала (до 1843 г.) – татарам, а затем (с 1843 по 1920-е гг.) – русским. В течение XX в. этнический состав окружающего нагайбаков населения изменился. Современное этническое окружение нагайбаков это в большей степени русское (восточнославянское, православно-христианское) и в несколько меньшей степени казахско-татарско-башкирское (тюркское, мусульманское) общества. Если до 1920-х гг. нагайбаки южной группы находились в определённой изоляции, т.е. в моноэтнических посёлках, то с конца 1920-х гг. этнический состав населённых пунктов становится смешанным.

Тесные контакты с русскими и другими в течение XX в. стали причиной возникновения двух тенденций развития этнической идентичности нагайбаков. У северной группы произошла, хоть и не полная, но значительная, ассимиляция русскими. Представители южной группы, в силу ряда перечисленных выше причин, пошли по пути этнической консолидации. Этническая идентичность южной группы в условиях полиэтничного окружения проявляет следующую динамику и социальные сферы актуального функционирования. Большинство респондентов – 47 % ощущают и транслируют собственную этническую идентичность в подавляющем большинстве жизненных ситуаций. Среди ответов на вопрос «когда и где вы ощущаете принадлежность к нагайбакскому народу» чаще всего звучало «всегда и везде». Этот показатель сопоставим с числом респондентов, поставивших собственную этническую идентичность на первый уровень. Заметно меньшая группа респондентов ощущает нагайбакскую идентичность только среди родственников – 20 %, не придавая этому значения в иных ситуациях. Ещё меньшую долю составляют ответы, в которых указано, что этническая идентичность имеет значение очень редко или только в празднично-ритуальные дни – 10 %. Почти четверть опрошенного населения – 24 % считают, что собственная этническая принадлежность не является для них доминирующей.

С утратой и ослаблением таких основных в прошлом идентификационных признаков как сословный, религиозный и языковой возникает вопрос о том, что же на сегодняшний день, при таком высоком уровне этнической самоидентификации является главным этнодифференцирующим признаком нагайбаков? Один из пунктов анкеты содержал вопрос об оценке собственной этнической идентичности, где, как уже говорилось, наибольшее число ответов прозвучало как «гордость». Это чувство, связанное с принадлежностью к нагайбакам, основано на исторической памяти, которая хранит ряд событий из истории народа. Эти исторические события можно разделить на две группы – связанные исключительно с нагайбаками и произошедшие в масштабах страны. В последнем случае народная память хранит имена прославленных нагайбаков, которые участвовали в крупных военных кампаниях.

За последние примерно 20 лет нагайбакскими краеведами было опубликовано большое число статей в периодической печати о подвигах нагайбаков в Великой Отечественной и других крупных войнах, изданы книги, в которых специальные разделы посвящены теме войны²². Публикуются сведения по истории нагайбаков, их крещении, обращении в казачество, истории заселения казаками-нагайбаками Южного Зауралья и др.

На вопрос об известных важнейших событиях в истории нагайбаков больше всего было упоминаний – 26 % об Отечественной войне 1812 г. Чуть меньше – 21 % было сказано об акте обращения в христианство. Ещё меньше, но примерно одинаковое число упоминаний, о таких событиях как обретение статуса коренного малочисленного народа Российской Федерации, Великая Отечественная война, Гражданская война, вхождение в казачье сословие и переселение в 1842–43 гг.

²² Маметьев А.М. Край нагайбакский. Челябинск, 1997; Он же. Нагайбакский район в фактах и цифрах. Челябинск, 2005.

Наибольшее число воспоминаний, связанных с событиями 1812 г. объясняется тем, что в течение нескольких лет наблюдается весьма широкий информационный поток об участии казаков-нагайбаков в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах в составе Российской армии. Особенно много информации появилось в 2012 г. в связи с празднованием 200-летней годовщины этих событий. Как оказалось именно этот фактор на сегодняшний день является наиболее значимым в исторической памяти нагайбаков (см. выше), и, вероятно, он определяет значительную часть их современной идентификационной базы.

Вторым по значимости историческим событием для нагайбаков является акт обращения в христианство – 21 %. Привлекает внимание при этом то, что сама по себе религиозная принадлежность в понимании современных нагайбаков не играет столь важной роли в этнической консолидации, но сам факт перехода в христианство рассматривается как важнейшее событие в истории народа. Кроме того, религиозная идентичность начинает играть принципиальную роль только в том случае, когда необходим поиск этнодифференцирующих признаков по отношению к татарам. Среди большей части нагайбаков существует представление о том, что нагайбаки не являются татарами и имеют больше отличий, чем сходств. В народном представлении нагайбаков среди главных маркёров их этнического своеобразия, помимо языка, является религия. Очевидно, что именно эти параметры чаще всего рассматриваются как особые, отличные от подобных у татар.

Событие, связанное с получением статуса коренного малочисленного народа Российской Федерации – 12 %, по своему рейтингу в ответах на соответствующий вопрос анкеты сопоставимо с периодом Великой Отечественной войны – 11 %. Правительственный документ, в котором нагайбаки внесены в список коренных малочисленных народов, некоторыми из представителей этой группы отмечается в числе главнейших этнодифференцирующих признаков²³.

Если сословная идентичность утратила актуальность ещё в 1920-х гг. и в настоящее время как идентификационный признак рассматриваться не может, то исторический эпизод вхождения предков нагайбаков в казацье сословие является весьма важным и значимым для значительного числа нагайбаков. Данный вариант ответа хотя и стоит на пятом месте в рейтинге, но по частоте повторяемости находится примерно на одном уровне со всеми предыдущими позициями, начиная с третьей. И, наконец, 3 % респондентов отметили важность акции переселения нагайбаков в 1842–43 гг. из Белебеевского уезда в Верхнеуральский.

Три события, сыгравшие в истории нагайбаков принципиально важную роль и определившие возникновение и развитие ряда идентификационных признаков, были отмечены респондентами, и рейтинг их выстроился строго в соответствии с хронологической последовательностью. Это такие события как христианизация, обращение в казачество и переселение.

Историческая память народа, подкрепляющая современную идентификационную базу, включает также степень осведомлённости о знаменитых людях из числа нагайбаков. О людях, которые создали славу Нагайбакскому району и нагайбакам имеет представление практически всё население. Из числа опрошенных респондентов 95 % знают не менее семи таких имён. Чаще всего произносились имена фронтовиков – Героя Советского Союза Е.А. Бикбова, участника Великой Отечественной войны, общественного деятеля, краеведа А.М. Маметьева, Героев Социалистического Труда и кавалеров орденов В.С. Байкина, Н.Н. Васильева, Н.А. Григорьева, кавалеров орденов и успешных работников М.К. Артемьева, И.Е. Арапова и И.Т. Арапова²⁴.

Для абсолютного большинства населения как этноидентификационный признак также имеет важное значение празднично-ритуальная практика. В обрядово-праздничной культуре нагайбаков, как и всего остального их окружения, сочетаются различные влияния. Это годовой цикл как религиозных народных праздников и обрядов, связанных с христианством – Пасха, Троица и т.д., с древними дохристианскими традициями – Аш биреу (Поминальная тризна), так и общегражданских государственных праздников – День Победы, Новый год, профессиональные праздники и т.п.²⁵. Ощущая себя православными христианами, нагайбаки, вместе с тем, подчёркивают этнические особенности во многих празднованиях – новогодний цикл (*Нардуган*), Масленица (*Май чабу*), Вербное Воскресенье (*Бэрмэнчек*

²³ Минеев П.М. Там же. С. 67.

²⁴ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, С. Фершампенуаз, с. Остроленка, с. Кассель, 2015.

²⁵ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, С. Фершампенуаз, с. Остроленка, с. Кассель, 2015.

боткасы), Пасха (*Оло көн*), Троица (*Труйсын, Тручын*) и др.²⁶. Пасха и Троица занимают лидирующие позиции в рейтинге наиболее популярных праздников – 36 % и 21 % соответственно. На третьем месте, с примерно одинаковым числом упоминаний, находятся День Победы – 13 % и Покров – 13 %.

Особое место в годовом цикле обрядов и праздников занимает поминовение усопших родственников (*Аш биреу*). Это проводится не ранее чем через три года после смерти человека, поздней осенью или в начале зимы, но обязательно в разных селениях в разные дни. Делается это для того, что чтобы люди из разных сёл могли посетить всех родственников. Данный обряд в регионе характерен только для нагайбаков и является очень важным этническим признаком в самоидентификации народа. В каждой семье этот обряд проводится основательно с обязательным забоем крупного рогатого скота и птицы, угощением большого числа родственников, поэтому его совершают не каждый год. Обрядовая практика «Аш биреу», сохраняя архаичные черты²⁷, строго регламентирует ассортимент и способ приготовления блюд. Исключения составляют сладости и напитки, которые стало допустимо приобретать в магазине. Именно здесь максимально точно воспроизводится древняя система питания, сложившаяся у далёких предков нагайбаков ещё с кочевнических времён. Во-первых, это большой сегмент пищи животного происхождения (больше – мясо крупного и мелкого рогатого скота, меньше – молочные изделия). Во-вторых, это строгое требование к условиям и способу термической обработки мяса – варка в котле во дворе при открытых воротах. Варёное мясо по удельному весу занимает первое место в ритуальном рационе, а тазовая кость жертвенного животного имеет сакральное значение²⁸.

Пища растительного происхождения по многим позициям в повседневных практиках и праздничном столе продолжает конкурировать с животной. Как и прежде, в ежедневной и обрядовой кухне большое место занимают мучные изделия в виде снедей, либо блюда, состоящие из мучных и мясных компонентов. Особенно популярны в ежедневном рационе всевозможные мучные печёные и жареные изделия – *кыстыбый, баурсак, дурычмак, кузикмак, шишара*, хлеб (*ипый*); блюда, сочетающие мучные и мясные составляющие – суп-лапша (*аш*), курник (*курнюк*), бешбармак (*бишбармак*), пельмени (*пильмэн*), а также популярное среднеазиатское зерново-мясо-овощное блюдо – плов.

За последнее десятилетие заметно возрос интерес нагайбаков к своему народному фольклору. Отмечается некоторое увеличение числа людей, знающих до пяти нагайбакских песен и уменьшение числа тех, кто не знает таковых. В гораздо большей степени увеличилось число людей знающих нагайбакские народные сказки. Среди перечисленных произведений народного творчества есть как чисто нагайбакские, так и русские на нагайбакском языке. Лидером рейтинга является сказка «Колобок». Увеличению числа знающих народные сказки способствовала публикация в 2008 г. книги местного краеведа²⁹, где имеется раздел с пересказами фольклорного материала.

Представляет интерес мнение нагайбаков – жителей Нагайбакского района по вопросу о предпочтительной этнической принадлежности человека, претендующего на пост Главы района. Это очень важно в связи с тем, что опрос проводился накануне очередных выборов на эту должность. С 1991 г. и до настоящего времени с небольшим перерывом районом руководит Сеилов Каирбек Хакимович – местный уроженец, этнический казах. Общественный рейтинг руководителя на протяжении многих лет неизменно высок среди всего населения района. В ближайших выборах на должность Главы района он участвовать не планирует, что даёт шансы для других кандидатов, имеющих разную этническую принадлежность.

По результатам анкетирования доля нагайбаков, желающих видеть на должности Главы Нагайбакского района своего соплеменника равна 10 %. Самая малая часть респондентов – 6 % считает, что руководить районом должен кто угодно, только не нагайбак. Больше всего респондентов – 84 % убеждены, что этническая принадлежность руководителя района значения не имеет. В современной ситуации конструирования идентификационной базы самими нагайбаками, вопрос формирования этнополитической элиты остро не стоит. Нагайбакский район не затронул процесс этнизации локальной политики, столь ха-

²⁶ Уразманова Р.К. Годовой цикл общественных обрядов и праздников // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков). Казань, 1995. С. 75-83.

²⁷ Атнагулов И.Р. Нагайбаки. Магнитогорск, 2007. С. 150-152

²⁸ Там же. С. 152.

²⁹ Вдовина С.В. Соты памяти народной. Челябинск, 2008. С. 155-214.

рактёрный для многих регионов России с конца 1980-х – начала 1990-х гг.³⁰ Причины этого кроются, вероятнее всего, в том, что район с момента своего основания в 1927 г. никогда не подвергался политике коренизации руководящих кадров. За весь период его существования до 1992 г. им руководили люди разной этнической принадлежности – нагайбаки, русские, татары, казахи. Поэтому в политической практике нагайбаков не сложилось традиции создания собственной квази-этнократии.

Результат исследования представлен в виде картины, демонстрирующей, во-первых, современные социокультурные практики нагайбаков, ориентированные на подчёркивание их этнической индивидуальности, что свидетельствует о достаточно высоком уровне этнического самосознания; во-вторых, сформировавшуюся этнонимическую номенклатуру, подтверждающую процесс формирования собственной нагайбакской идентичности; в-третьих, транслируя собственную этническую идентичность, нагайбаки длительное время находятся в непротиворечивом взаимодействии с ближайшими этническими соседями, являющимися в одних случаях не тюркоязычными, а в других – не православно-христианскими.

³⁰ Дадуев М.А. Субъекты управления политическими процессами на субнациональном уровне в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 227-232.